

ПЛАЧЪ ГОРОДЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ПОСТРОЙКЪ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщено А. С. Павловымъ.

Издание Высоковского единовѣрческаго монастыря.

Плачь и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
«Настало время отпаденья,
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отаготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ? — Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселаться?
Да и что за благодать —
Вдругъ часовню разорать?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ изидникъ, —
Нельзя мыслить тутъ иначе:
Злу всему повиненъ Марко,
Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились;
Имѣть церковь восхищались,
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубятъ,
Что деревянну церковь срубятъ.
А потомъ притомъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поновъ у насъ не стало;
Но имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.

Охъ, послѣднн, видно, вѣки,
 Что прельстились чловѣки
 Отъ архерея благословляться
 И *единовѣрцами* назваться!
 Это нѣсть единовѣрье,
 А отъ насъ лишь отдаленье —
 Концысторіей заняться,
 Ей въ правленіе предаться.
 Лучше головы положимъ,
 А свое мы не отложимъ.
 Неужели мы не въ состоянн
 Поповъ судить не въ постоянн?
 Судить сами ихъ умѣемъ
 И правила разумѣемъ,
 Хотя не священныя лица,
 Какъ го бываеъ во столицы.
 Поповъ мы сами разбираемъ,
 Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
 Нынѣ жъ древность всю растлили,
 Себѣ церковь испросили!
 Нуг-ко, мужіе, стѣрайтесь,
 Отъ новостей удаляйтесь;
 Сумму многу собирайте,
 Въ Москву, Питеръ повзжайте;
 Раздавайте, не щадите,
 Длительность дѣлу ищите
 И всѣ мѣры принимайте,
 Церковь строить не пущайте.
 Поупрямитесь, милы братцы,
 Часовенны старобрядцы,
 И бунтуйте, не сумнитесь,
 И начальства не страшитесь;
 Къ защищенью всякъ спѣши,
 Стой въ одно, хоть колъ теши!
 Въ противность же что случится,
 То мы должны откупиться.
 Пошлемъ въ разныя селеня
 Съ повелѣньемъ объявленя,
 Что часовню разоряютъ, —
 Въ церковь нову претворяютъ.
 Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
 Помощь сдѣлаютъ прекрасну.

А ревностим богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстануть,
Отъ часовни не отстануть;
Повѣренныхъ изберуть,
Тысячь много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся калугеръ,
Варсоноей лицезъръ:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступа-тъ,
Да еще съ брадой съдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Черезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздарили;
Еще бы тысячь двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать —
Такъ вотъ честь ей приписать —
Всѣхъ ревностью удичили,
На собраньи говорила:
«О вы, бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣ приступаетъ.
Вы же, сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперъ только и взять,
Что тысячи развизать;
Если будете скупиться,

То часовня претворится
 Въ церковь божью, въ новый храмъ.
 Охъ, какой же будетъ страмъ!
 Чего мы не ожидали,
 То почувствовать намъ дали:
 Можно-ль было воброжать,
 Чтобъ попа Василья взять?
 Очевидно отъ насъ взяли,
 Руки и ноги перевязали,
 Повезли въ вѣчной утѣлъ,
 Гдѣ судимъ ему предѣлъ.
 Ужъ не даромъ я недавно
 Видѣла въ ночи, какъ явно,
 На яву и не во снѣ
 (Тутъ дрожали всѣ плеснѣ)
 Такъ дивно откровенье:
 Что часовня въ разореннѣ —
 Наша мила она мать
 Хочеть въ вѣрѣ пострадать —
 Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
 Главѣ нѣтъ, одни палаты».....
 Облившись слезой, ушла,
 Гдѣ дорога ей пришла;
 И такъ спѣшно удалилась,
 Что невидно, гдѣ и скрылась.
 Вдругъ предсталъ тутъ Мепенать
 Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
 Почтеннѣйшій на видъ отецъ,
 Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
 Собранье обратило взоры
 Къ нему и на него укоры.
 Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
 Сказалъ: «несчастное кладбище!»
 А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
 Народъ ему много закричалъ:
 «Умремъ! хоть головы рубите,
 Благословеннаго въ часовню не водите,
 Попа такого не желаемъ,
 Все слезно просимъ и рыдаемъ.
 Довольны мы доднесь и тѣмъ,
 Свадилъ святой Пргизъ насъ чѣмъ.»